

Мне в Петербурге стало немножко скучно... Круг людей, в котором я жил, которые создавали духовную ауру Петербурга, очень сузился.

Умер мой отец, умер Товстоногов, Козинцев. Другие близкие мне люди - музыканты, писатели - постарели и не участвуют в культурной жизни, как, например, Володин. Додин в основном за границей. Конечный почти ничего не пишет. Петербург как культурная единица стал, на мой взгляд, «сжаться».

И еще один момент. Трудно работать на студии, где из-за долгов периодически нет воды, нет электричества. «Ленфильм» съехался. Я не могу существовать в атмосфере тихого умирания и потому решил уехать.

- Но, к сожалению, на «Мосфильме» вы можете столкнуться такой же ситуацией.

- Я не собираюсь работать на «Мосфильме». Да и вообще не хочу рвать отношений с Петербургом. У нас со Светланой договор с Большим драматическим театром на пьесу и на постановку (Светлана Кармалита - жена Алексея Германа, сценарист.-Т.С.).

Иногда в жизни наступает момент, когда всю ее можно просчитать. Я знаю все, что со мной дальше случится в Петербурге. Ну, допустим, у меня будет удачная картина, допустим, я еще что-то там сниму, или поставлю... А потом тихо умру и отправлюсь на Богословское кладбище, к своим родителям. Здесь, в Москве, может быть как-то по-другому. Может быть и хуже, но это уже другой и неизвестный мне кусок жизни.

Москву я люблю, она шумная, в ней много энергии. Петербург располагает к безделью. Москва - нет. Здесь, пока я ехал на машине, кого-то стукнул, кто-то нас стукнул. Что-то происходит... В Петербурге все тихо.

- Вы воспринимаете его как вторую столицу или как провинцию?

- При большевиках была прелесть провинциального Ленинграда. Московские страсти не касались кинематографистов. Там выполнялись Государственные заказы, бушевала огромная индустрия, снимались фильмы «Освобождение», «Победа». Провинциальность Ленинграда сохранила театр Товстоногова, тихое наше кино, которое ругали словом «мелкотемье». У нас работали Авербах, Асанова, Мельников. Наша атмосфера была чище. Визги и страсти по деньгам затихали где-то в районе Бологого. Все мы жили значительно беднее, чем москвичи.

А потом, начиная с 1989 года, благодаря гонору Кудрина, Собчака, стал выковываться образ второй столицы. И у нас впервые исчезли комплексы провинции. Сейчас опять возникают. Хотя мне не мешает провинциализм, просто хочется жить как-то по-другому. Я не рассчитываю на то, что вот сидит Лужков и говорит своей жене: не пойду ужинать, пока Герман не переедет. Понимаю, что я здесь тоже никому не нужен. Что ж, можно и в другой стране поработать.

- Только поработать?

- Да, уехать у меня не получится. Мы в Праге были неделю, так и то я по три раза в день ходил смотреть программу «Время».

- Традиционный вопрос: как возник замысел фильма?

- Никакого замысла фильма не

было. Было так: после выпуска «Лапшина» я дал себе слово больше не снимать.

- Почему?

- Дави немножко опомнитесь, если хоть чуть-чуть про меня знаете...

Я снял первую картину - меня выгнали с работы. Я снял вторую - меня чуть не выгнали с работы, а один очень большой начальник дал мне честное слово коммуниста, что я

частую достаточно смешные. Например, снять фильм об итальянской деревне, которую я никогда не видел, или переделать «Лапшина» на коммерческий боевик... Потом я решил показать сыну, как выглядит за границей. И принял предложение от одной очень крупной американской фирмы снять фильм об Иосифе Бродском. С американцем мы не поладили, но к

роошущение режиссера...

- Фильм, конечно, устарел. Когда мы его начинали, мы были злее к прошлому, чем сейчас. Не потому, что стали прошлое видеть в другом свете. Просто он начинался как политический фильм. А сейчас разоблачать уже стало неинтересно. Нужно просто рассказать историю, и пускай люди сами разберутся, кто есть кто.

рацию я любить не могу. Для того чтобы полюбить фильм, я должен представить себе, что это моя мама, мой папа, моя детская комната... Поэтому я втащил туда какие-то свои вещи, свои кровати, даже повесил свои фотокарточки...

- Вы всегда были одним из самых диссидентствующих режиссеров. Сегодня зачастую диссиденты, израсходовав весь свой пафос борьбы, переживают внутренний кризис...

- Из меня старательно делали диссидента, но я им никогда не был. Мне всегда казалось, что начальство придет в восторг от того, что я снимаю. Поэтому в кризисе не нахожусь. Вижу какие-то замечательные преимущества этого времени, хотя вижу, что глупости часто их перебивают. Считаю, что революцию нельзя делать «на цыпочках», что ее надо делать достаточно радикально и резко, если хочешь переменить строй.

А если говорить о том, что я думаю по поводу того, что происходит в стране... Кто-то из французов сказал: «Кто не был социалистом в молодости, у того нет сердца, а кто остался социалистом в старости, у того нет головы». Я согласен с тем, что социал-демократические западные идеи очень достойные. Они лучше, чем идеи непостижимого для меня рыночного капитализма. Я не понимаю, почему один человек ездит на «мерседесе» за 130 тысяч долларов, а другой не может нормально, не унижая своего ребенка, жить.

- Алексей Юрьевич, в последние годы в кинематограф пришли новые поколения. Что вам нравится в своих преемниках и что нет?

- Мне мало что нравится в этих поколениях. Скорее, они представляются мне упущенными. Хотя есть, конечно, интересные люди.

Все познается в сравнении. Когда-то к нам на студию одновременно пришли Авербах, Асанова, Мельников, Трегубович... Многое определяла позиция, но и мастерство было выше. Пока не появились по свистку ни Тарковский, ни Иоселиани, ни Муратова. Но мне кажется, что вот-вот они придут.

- И, наконец, несколько слов о планах на будущее...

- Если фильм закончится и я к этому времени останусь, что называется, жив, то у нас со Светланой есть договоренность с Большим драматическим театром на постановку пьесы, которую мы сами написали. Если не получится там, то, может быть, мы поставим ее в одном из московских театров. У нас есть предложение из Вашингтонского университета на теоретическую работу по кино... Я бы с удовольствием написал книгу.

- Книгу биографическую?

- Нет. Это такой замечательный писатель, как Виктор Конечный, может написать про себя биографическую книжку, потому что у него есть биография, а у меня никакой биографии нет. Вся моя биография состоит в том, что я благополучный сын писателя, за постановку картин меня несколько ругали, но при этом я всегда, даже очень оскорбленный и униженный, ездил на собственном автомобиле. Сказать, что уж такой страдалец, как-то не получается.

Беседу вела
Татьяна СЕМАШКО.

Алексей ГЕРМАН:

«Я никогда не был диссидентом»

За свою долгую творческую жизнь один из самых знаменитых российских режиссеров Алексей Герман снял три фильма. Они известны: «Проверка на дорогах», «Двадцать дней без войны», «Мой друг Иван Лапшин». Сейчас работает над четвертым, причем это «сейчас» продолжается семь лет. Семь лет без пресловутых «полок», на которые складывались запрещенные фильмы, без грозных советов, без цензуры - полная свобода творчества. Казалось бы... Словом, еще один повод для размышлений о судьбе художника в нашем Отечестве. Семь лет тому назад был задуман фильм «Хрусталева, машину!», три с половиной года снимался. Вопрос, когда будет завершен, остается открытым.

Мы беседуем с Алексеем Германом в то непростое для него время, когда он решил «жизнь переломить». И первый шаг к этому: коренной ленинградец-петербуржец, он только что переехал в Москву.

больше никогда не буду снимать. Я снял третью картину - меня окончательно выгнали с работы.

Первая картина пролежала на полке пятнадцать лет, вторая - двадцать, третья - три года и семь месяцев. Ну кому это интересно, согласитесь! Это же не то, что тебе говорят: Алексей Юрьевич, дорогой, любим вас, ценим, через столько-то лет вы увидите небо в алмазах, а пока - отдохните. Ведь это не так выглядит... Кричат: «паразит», «антисоветчик», «к прокурору», фельетоны пишут. Пропускают на студию отбирают, людей из-за тебя с работы снимают. Все это достаточно противно.

Но когда произошел «акт посмертной реабилитации», из меня стали делать рекламу перестройки. И, что называется, «двинули на Запад». Там представили как опального режиссера, и в моей гостиной сидели очереди журналистов: «Фигаро», «Юманите», «Монд»... Я был очень увлечен происходящим в России и считал своим долгом обратить на это внимание мировой общественности.

... А потом мне стали звонить западные продюсеры. Предложений было много, но за-

нам обратились представители очень известного французского продюсера.

Написанный нами сценарий прошел все одобрения, и когда спросили, сколько нужно денег, я решил всех потрясти: миллион долларов.

- Но почему же вы снимали фильм три с половиной года?

- Потому что когда мы проект раскрутили, то оказалось, что за миллион долларов здесь уже ничего не снимешь. Валюта стала подниматься в цене в десять раз, а цены в тысячу. Поэтому деньги очень быстро пролетели. Потом появилось много людей, которые к этим деньгам приставились. Я не мог приостановить чудовищных трат. Просил две машины - приехали двадцать, я их просил уезжать - они все стояли за углом. Короче говоря, деньги быстро кончились. Уйти с картины? Но как?! Главную роль играет Юра Цурило, провинциальный актер, который бросил театр для того, чтобы ее сыграть. Как ему быть дальше?

Мне развернуться - ничего не стоило...

- Алексей Юрьевич, как известно, вы только что получили особую премию Выборгского кинофестиваля - 150 миллионов рублей от телекомпании НТВ - на завершение работы над «Хрусталевым»...

- Эта сумма велика, если ты ее лично получаешь... Но когда надо платить за аренду просмотрового зала, за свет, зарплаты монтажерам, гонорары артистам, она быстро улетучивается. В этом смысле у нас в стране беспредел. Так, в Питере мы нашли на пустыре заброшенную железную дорогу. Выбрали ее местом съемки. Вдруг являются какие-то люди и говорят: платите нам сто миллионов. За что? Это наша дорога. Как ваша? Так - кирпичного завода. Так он же не работает! Так он потому и не работает, что денег нет... Сейчас мы с вас возьмем деньги, он и заработает!

- С того времени, как фильм был задуман, не только много изменилось вокруг, но и вы сами, наверное, в чем-то стали другим. А ведь фильм - это ми-

Сейчас важно при монтаже не заморозиться, не оставлять тот замысел, который был в 1989 году, а в определенном смысле разрушать сюжет. Больше о времени и о любви, чем о политике.

- Вы стали добрее?

- Не добрее, скорее мудрее. Наша история - это не история политических ястребов и куропадок, а история сплошных жертв. Где и самые страшные палачи - все равно жертвы. Там есть и Сталин, и Берия, но мы старались сделать фильм так, чтобы было жалко всех. В фильме много биографических моментов. Фактически мы описали историю нашей семьи. Историю очень крупного врача, его сына, его жены, его любовницы, историю глупого иностранца, который чуть всех не погубил. С моим отцом случилось нечто подобное, когда по просьбе дяди его разыскал иностранец, чтобы узнать, живы мы или нет.

- В ваших фильмах всегда много автобиографических моментов.

- Конечно, Бергман пишет, что все кино вытаскивают из тупельки своего детства. Дело в том, что я стараюсь своих героев любить. Но я не могу просто любить артиста Болтнева или артистку Русланову... И деко-

